

С. С.
ЮШКЕВИЧ

Избранное

Семен Юшкевич

Алгебра

«Public Domain»

1922

Юшкевич С. С.

Алгебра / С. С. Юшкевич — «Public Domain», 1922

«Сон – существо таинственное и внемерное, с длинным пятнистым хвостом и с мягкими белыми лапами. Он налег всей своей бестелесностью на Савельева и задушил его. И Савельеву было хорошо, пока он спал...»

© Юшкевич С. С., 1922

© Public Domain, 1922

Семен Соломонович Юшкевич

Алгебра

Петру Нилусу

В записной книжке, в потертом, теплом сафьяновом переплетшем было написано так: «Это было очень странное время, не то доброе, старое время, когда все в мире было на своем месте, когда каждая вещь, предмет, растение, человек знали свое место, когда верх был верхом, а низ низом и банальное, милое солнце, точно департаментский чиновник, неизменно всходило на голубом восходе, когда богачи были богаты, а бедняки безропотно бедны, когда цари были царями, а народы подданными, – нет, это время было пасынком того времени и в нем все шло вверх дном: солнце отказалось служить и пропадало где-то по целым дням, – рассказывали, что оно вступило в связь с неким высокопоставленным лицом, от которого зачало; и низ перестал быть низом. Богачи поравнялись с бедняками и потому все стали голодать. Пропали цари и верноподданные. И сгнули все золотые и серебряные пуговицы. Да, не было еще такого времени среди всех времен на земле и потому люди, кто только мог, без оглядки бежали во все стороны: бежал и брюхатый купец Савельев. Прискакал Савельев в чужой городок и забился в дыру».

Так начал свое жизнеописание купец Савельев, поставил кавычки и бросил. Беспокоила его фраза, что солнце вступило в связь с неким высокопоставленным лицом. Он-то, конечно, знал, что она означает и мог бы даже доказать, но со стороны выходило смешно и непонятно.

«Еще обвинят в потере разума, – предусмотрительно подумал он о ком-то, и стал увядать. – Нет, жизнеописания пусть пишут другие».

И гордо и горько закрылся от мира, как Господь однажды закрылся от мира, в тучу завернувшись.

И все.

* * *

Савельев, прячась от хитрого, всегда пьяного и убежденного провокатора, номерного гостинички, где он проживал, улучил минуту, прошмыгнув в людскую, дрожащими руками схватил свой драгоценный ключ и, перескакивая через три ступеньки узенькой, дрянной лестницы, понесся к себе на шестой этажик, как самая простая мышь, быстро помахивая хвостиком, который только что у него вырос. В номерке Савельев, слившись с темнотой, то есть став сам темнотой, долго к чему-то прислушивался. И улетел куда-то. Вернувшись, он зажег малую дробь свечи и тотчас от полетевших во все стороны до ужаса знакомых светлых чертей, переполнился до краев отвращением. Курносая кровать умильно подмигнула ему, точно своему возлюбленному, и вслед за ней стали насмешливо, приподняв картузики, кланяться хромой рыжий стол, похожий на разбойника на большой дороге и другие монстры: чемодан-медведь с зонтиком подмышкой, мальчишка-плутишка-пальтишко, без пуговиц и с котелком на воротнике, прелестно бесформенная тень неизвестно от какого предмета на стене и два коленопреклоненных кресла.

Савельев величественно ответил всем общим поклоном и приказал не воздавать себе почестей. Стихла и пауза. В мозгу овалом проскакал, желтея звуками, конец знакомого марша, выскочил из уха и растаял за окном. Посыпалась зеленая пыль. Савельев подчинился ночному и стал с адской быстротой размышлять. Бега по комнате, он то скрывался в жестяном круглом зеркале над диванчиком, то выскакивал из него какой-то взъерошенный, подбитый, с головой, словно из картона, размалеванной детской рукой: одна бровь полезла вверх, другая повернула

косо вниз и выбила глаз, нос лежал на щеке вместе с шестью зубами. За ним с веселым рычанием скакали два коленопреклоненных кресла, а курносая кровать, полная вожделий, от восторга рыдая, танцевала в своем углу.

Савельев сбоку посмотрел на все это, от стыда залез в зеркало и долго не выходил оттуда.

«Вот и конец пришел, – думал Савельев, снова объявившись, и сердито замахнулся на кресло, чтобы не мешало, – а какая жизнь была, Боже мой, какая жизнь! Тремя жизнями эту одну нельзя было бы измерить!»

И он вспомнил эту жизнь и от любви и боли закрыл глаза. Вспомнил Савельев свои утра и божественно творческое состояние души, когда с сигарой между вторым и третьим пальцем шел из спальни в столовую, вспомнил свои полдни, вечера и ночи, вспомнил жену, детей, слуг, приказчиков, конторщиков, бухгалтеров, московский дом, склады с товарами, все отделения в разных городах, друзей, просителей. Ах, что это была за жизнь! А Маринка! А жеребец Ричард Третий! Всему, всему пришел конец. Была тысячу лет жизнь и умерла и не воскреснет! Жена с дочерьми не то в Сибири, не то на Кавказе, Бог их знает, а старший сын пропал с товаром в Костроме, о, Боже мой, почему в Костроме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.